

Е. Душечкина

«ЕСЛИ ПЕСЕНКА ВСЮДУ ПОЕТСЯ...»

В настоящей статье речь идет об образе песни в том виде, как она представлена в советских песнях, в большинстве своем исполнявшихся пионерами. Моя работа основывается на материале более двухсот песен, созданных в промежутке между 1920-ми годами и «периодом застоя». Модель песни исследуется в нескольких параметрах: эпитеты, которыми она характеризуется, темами, которым она посвящена, действиям, которые она совершает, взаимодействием между песней и ее исполнителями и т. д. Советские песни, как показывают исследуемые тексты, обладают способностью вовлекать в акт пения других людей, как советской страны, так и других стран и континентов. В то же самое время, эти песни могут представлять и определенную опасность и даже быть разрушительными для их врагов, оставаясь при этом сами неуязвимыми. Этот образ песни является типичным для советских идеологических текстов и, наряду с некоторыми другими образами, составляют модель советского художественного сознания.

Ключевые слова: песня, пионеры, друзья, коммунизм, советский, счастье, петь, звучать, лететь, птица, препятствие, всемирное торжество.

Я озглавила свою статью цитатой из пионерской песенки, хорошо памятной тем, кто в 1950-х гг. был пионером. Песенка эта, написанная композитором Дмитрием Кабалевским на стихи Сергея Михалкова, называется «Веселое звено» и начинается словами «По улицам шагает веселое звено...». В соответствии с заглавием, статья, предлагаемая вниманию читателей, будет посвящена образу песни в советской (преимущественно — пионерской) хоровой песне: то есть я хочу показать, как песенный жанр словесно-музыкального искусства воссоздается и представляется в текстовой (словесной) фактуре того же самого жанра — как песня «видит» саму себя. Материалом для исследования послужили тексты, содержащиеся в песенниках 1940–1980-х гг., рекомендованных детским и пионерским учреждениям (школам, пионерским лагерям, домам пионеров) для хорового исполнения. Разумеется, я опиралась и на свой собственный опыт — опыт пионерки 1950-х гг. Ностальгия по детству пробуждала во мне желание использовать в первую очередь тексты, которые исполнялись в классическую, так сказать, пионерскую эпоху и которые (может быть, именно поэтому) кажутся мне наиболее показательными и характерными. Я имею в виду песни,

Песенники 1925 и 1927 годов.

созданные в период с 1922 г. (года образования пионерской организации и года создания первой пионерской песни «Взвейтесь кострами синие ночи...») по середину 1950-х гг. Однако ознакомление со сборниками песен следующих десятилетий убедило меня в том, что топика этого жанра изменилась не столь уж существенно и образы, созданные в предшествующую эпоху, не только продолжали жить и использоваться, но и развивались. Поэтому важным подспорьем оказались для меня и песни времени «оттепели» и «застоя». Существенный для данной темы материал содержит ряд текстов, которые были созданы для молодежных и взрослых хоровых коллективов, но которые, тем не менее, нередко включались в репертуар пионерских хоров и печатались в песенниках для пионеров. Зачастую они, особенно столь популярные, как знаменитая песня из кинофильма 1934 г. «Веселые ребята» («Нам песня строить и жить помогает...»), существенно влияли на формирование образа песни в пионерской песне, исполнялись детскими хорами и часто звучали по радио, почему я и сочла возможным (и даже необходимым) их использовать. Конечно же, далеко не все из того, что создавалось поэтами-песенниками и композиторами для детей, пелось и приобретало широкую известность, но и эти, малоизвестные, тексты весьма показательны,

Песенник 1937 года.

поскольку они сочинялись по готовым, утвердившимся шаблонам, во многом повторяют их, а порою доводят эти шаблоны до абсурда.

Моя работа основывается на материале более двух сотен текстов, в которых представлен (в большей или меньшей степени развернутый) образ песни. Для облегчения восприятия, приводя цитаты, я не даю ссылок на авторов слов и композиторов, поскольку в данном контексте мне это представляется не столь уж существенным.

В исследуемых текстах образ песни входит в ряд наиболее распространенных и излюбленных и в шкале ценностей занимает одно из первых мест, наряду с образами дружбы, мира, Родины, партии, Ленина и Сталина, неожиданно приобретая на этом фоне идеологическое звучание, а зачастую — становясь синонимом этих понятий (как, например, в песне «Ты с нами, Ильич дорогой», где имя вождя мирового пролетариата сравнивается с песней: «Великое, светлое имя, / Как песню, несем мы в строю» [Песни для детей 1953, с. 290]¹). В песенниках образ песни встречается регулярно, едва ли не в каждом втором тексте, хотя и не всюду представлен в достаточно развернутой форме. Топика этого образа определялась мною по ряду параметров: 1. *Эпитеты*, которыми наделяется песня и набор которых дал возможность получить представление о ее звуковой характеристике, эмоциональной оценке и отличительных свойствах; 2. *Тема*, которой посвящена песня или же сфера жизни, которой она принадлежит: песня о чем? — «песня о дружбе»; песня чего? — «песня дружбы»; 3. *Действия*, которые песня совершает и на которые она в принципе способна; 4. *Взаимоотношения* песни

ПЕСНЯ О ПАВЛИКЕ МОРОЗОВЕ
Текст С. Михалкова. Музыка Ф. Сабо.

НЕ ЗАТЯГИВАЯ
ЗА-ЛЕ-ГЛА ТЯ-ГА ВТУ-МА-НЕ
СЕ-РОМ ОТ БОЛЬ-ШО-ГО ТРАК-ТА ВСТО-РО
НЕ-ДЛЯ РЕ-БЯТ ХО-РО-ШИМ БЫЛ ПРИ-
МЕ-РОМ НА ДЕ-РЕ-ВНЕ ПА-ША ПИ-О-НЕР-
НА ДЕ-РЕ-ВНЕ ПА-ША ПИ-О-НЕР-

1. Залегла тайга в тумане сером
От большого тракта в стороне.
Для ребят хороши был примером
На деревне Паша-пионер. (2 раза).

2. Красный галстук Паша нес
недаром,
За учебу брался горячо.
Пряча хлеб, тая зерно в амбарах.
Не любило Пашу кулачье. (2 раза).

3. Был с врагом в борьбе
Морозов Павел
И других бороться с ним учил,
Перед всей деревней выступая,
Своего отца разоблачил. (2 раза).

4. За селом цвели густые травы,
Колосился хлеб, в полях звеня.
За отца жестокою расправой
Угрожала Павлику родня. (2 раза).

24 25

Текст из песенника 1937 года.

и ее исполнителей: как сами поющие относятся к песне, воспринимают ее, побуждают ее к действию и что она совершает с ними; 5. И, наконец — *воздействие* песни на слушающих ее, когда она, иногда вопреки их желанию, достигает слуха. Я допускаю, что выбранные параметры отнюдь не исчерпывают всех возможных свойств песенного образа, но и они представляются мне в достаточной мере показательными. На их основе вырисовывается весьма оригинальный феномен, который и может быть принят за модель песни в советской пионерской хоровой песне.

1. Приведу *эпитеты*, которыми наделяется этот образ. По своей *звуковой характеристике* песня, исполняемая счастливыми детскими голосами, прежде всего — *звонкая* и *звучная*, реже — *громкая*. Этими словами определение ее звуковой природы по существу исчерпывается. Остальные эпитеты дают ей *эстетическую* и *эмоциональную* оценку (песня *прекрасная, хорошая, любимая, солнечная*, благодаря чему она предстает как явление, отличающееся необыкновенной красотой и вызывающее полное расположение к себе как со стороны поющих, так и со стороны слышащих ее); *характер* (песня *веселая, счастливая, радостная, свободная, задорная, дерзкая, удалая, отважная, гордая*), благодаря чему она предстает в виде некоего *существа* («В ней *живое сердце* бьется» — 3, 12), причем существа предельно мажорного и достаточно своенравного, а также

КОСТЕР

Текст Л. Зинько. Музыка О. Бернот

Модерато

46

47

Текст из песенника 1937 года.

физическую силу (сильная и даже могучая), судьбу (счастливая) и возраст (молодая, юная). Эпитет *новая*, нередко сопутствующий песне, возникает на основе противопоставления советской песни старым, дореволюционным, русским песням («Новые песни придумала жизнь!»), которые, в отличие от оптимистических песен советской эпохи, обычно характеризовались в поэзии как заунывные, печальные, тоскливые: «Песня печальная, песня унылая» [Музыка в зеркале поэзии 1986, с. 96]; «Звучит гармоника и песня раздается / Такая грустная, что за сердце берет» [Там же, с. 98] и т. п.

2. Изображенная в песне песня посвящена достаточно ограниченному кругу явлений: дружбе / братству / верности («О дружбе школьных дней <...> / Ты песню запоешь» [Антология... 1959, вып. 2, с. 70]; «песня единства и братства» [Песенник пионера 1984, с. 14]; «песня верности» [Пахмутова 1963, с. 48], счастливой жизни («песня веселого детства» [Песенник пионера 1984, с. 11]; песня «о завидной доле, о счастливой нашей судьбе» [Песенник пионера 1984, с. 11]; «песню о счастье юность поет» [Песенник пионера 1984, с. 55])², миру и труду («Наша песня, вольный вестник, / Славит мир и славит труд» [Песни для детей 1953, с. 214]), Родине, которая начинается «с той песни, что пела нам мать» [Тебе, олимпиец... 1972, с. 170] («В ней о Родине поется, / О тебе, моя страна» [Пахмутова 1963, с. 59]; «Здравствуй, песня веселого детства, / Славись Родину

К борьбе за дело Коммунистической партии
будь готов!

Д, 02 $\frac{7-2}{962}$ Д, 02 $\frac{7-2}{962}$

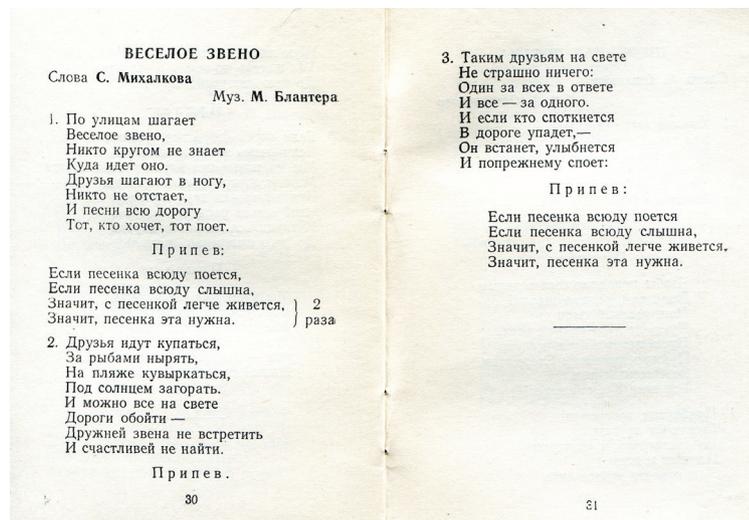
ДЕЛЕГАТУ ОБЛАСТНОГО И ГОРОДСКОГО
СЛЕТА-ФЕСТИВАЛЯ

ПИОНЕРСКИЕ ПЕСНИ

Одесса. 1956

Песенник 1956 года.

ты» [Песенник пионера 1984, с. 11]; «Звени, наша песня, / От края до края, — / Песня советской земли!» [Антология... 1959, вып. 2, с. 158]; «Лейся, радостная песня, / О нашей стране молодой» [Наша биография 1984, с. 61]); Советской Армии («Тебе, любимая, родная Армия, / Шлет наша Родина песню-привет» [Наша биография 1984, с. 59]), партии («Мы за Партией нашей идем / И о ней на просторах Отчизны / Наши лучшие песни поем» [Антология... 1959, вып. 1, с. 147]), Ленину (песня «о родном Ильиче» [Песни для детей... 1952, с. 135]; «Наш великий вожатый, самый главный учитель, / Эта песня простая посвящается Вам» [Взвейтесь кострами... 1982, с. 8]; «Слова нашей песни согреты / Глубокой любовью к тебе» [Песни для детей... 1952, с. 209]); «Сталину мудрому, родному и любимому» [Песни для детей... 1952, с. 148] («радостная песня о великом друге и вожде» [Песни для детей... 1952, с. 141]; «о Сталине мудром, родном и любимом / Прекрасную песню слагает народ» [Песни для детей... 1952, с. 148]; «О самом первом нашем друге, / О нашем Сталине споем!» [Песни для детей... 1952, с. 301]). Формулировки типа: «И, может быть, скоро кто-то / Пропоет и обо мне» [Песни для детей... 1996, с. 227] становятся возможными лишь в лирических песнях и не ранее 1960-х гг.

Текст из песенника 1956 года.

Содержанием и темой песенного образа является, тем самым, выражение отношения поющих к своей жизни (дружной, счастливой, обеспеченной, изобильной), которая, как сказано в одном известном тексте, даже лучше, чем это обычно изображается в песне («И вот нам живется краше, / Чем в песнях о том поют» [Песни для детей... 1952, с. 15]), и к главным ценностным ориентирам: Родине, партии, «родному Ильичу». Именно им поющие дети обязаны своим счастьем и благополучием, а также и тем песням, которые они поют: «И цветы и песни — все для нас, / Мы об этом помним каждый час. / Это нам / Ты, страна, / Родина — моя Отчизна / Все даешь сполна» [Антология... 1959, с. 163].

3. Действия песни как явления звучащего, материализующегося в звуке человеческого голоса (в данном случае — коллектива детских голосов), прежде всего, характеризуются со стороны вызываемых ею звуковых ощущений: она «звучит»: «Песня звучит веселей» [Наша биография 1984, с. 62]; «И опять на лесах новостроек, / Наши песни сегодня звучат» [Пахмутова 1963, с. 39]³. Производимый ею звук «звонок», поэтому она не просто «звучит», — она «звенит»: «И будет песня звенеть над тобой в облаках» [Песенник пионера 1984, с. 125]; «Песня русская звенит» [Песенник пионера 1984, с. 22]; «Пусть звенит в полях и селах песня эта» [Песни для детей... 1952, с. 380]⁴.

Распространяющийся в пространстве звук / звон песни чаще всего изображается как полет: «Песня весны, лети, звучи» [Песенник пионера 1984, с. 77]; «песня летит над планетой, звеня» [Пахмутова 1963, с. 85]; «Песня в поле улетаёт» [Наши песни... 1971, с. 226]. Поэтому она и сравнивается с птицей: «песня — крылатая птица» [Наша биография 1984, с. 4]; «лети, наша песня, как птица» [Спортивные песни и марши... 1963, с. 82]; «И песни наши птицами / Над селами, станицами, / Над Родиной летят» [Спортивные песни и марши... 1963, с. 16]⁵. Передвигается песня в пространстве очень быстро, стремительно: она не просто летит — она несется, мчится: «Над землей песня звонко несется» [Песенник пионера 1984, с. 8]; «Мчись над Родиной труда, / наша песня...» [Песни ленинградских пионеров... 1945, с. 7]. Скорость ее полета иногда даже превышает скорость полета птицы: «Летит эта песня быстрее, чем птица» [Песни для детей... 1952, с. 148], и сама она приобретает крылья: «Уносится песня на крыльях мечты» [Спортивные песни и марши... 1963, с. 153]. Поэтический параллелизм «песня — птица» традиционен и логически оправдан; он основывается не только на сопоставлении полета птицы и распространения звука человеческого голоса, но и на сравнении птичьего пения со звучанием песни: «Песни, словно птицы, / В воздухе звенят» [Песенник октябрёнка 1984, с. 9]. Пионерская песня подхватила известный, многократно использованный ранее образ («Ой ты, песня, песенка девичья, / Ты лети за ясным солнцем вслед...» [Тебе, олимпиец 1972, с. 198]). Песня может передвигаться как в одном определенном направлении («Песни на Юг летят» [Наши песни... 1971, с. 34]), так и разноситься по воздуху во все стороны — литься, вестись, виться: «Наша песня вьется ввысь» [Спортивные песни и марши... 1963, с. 153]; «Светит солнце, вьются песни» [Песенник октябрёнка 1984, с. 33]; «Над миром песня мира реет, / Свободна и горда» [Песни для детей 1953, с. 217]; «Взвейся, песня молодая...» [Всегда готов! 1962, с. 111]⁶.

В своем полете песня не знает никаких границ, преград и пределов; она способна достичь любые сколь угодно отдаленные и скрытые от нее объекты: конечно же, она слышна Сталину в Кремле: «...в Кремле высоком / Слышишь ты, как мы поем» [Песни для детей... 1952, с. 18]; «Даже песню Сталин слышит, / Что в степи пастух поет [Песни для детского хора... 1983, с. 1]; она «звенит в полях и селах» нашей Отчизны, она звучит далеко «над родимым краем» [Сельские вечера 1979, с. 48] и разносится ветром по всей родной земле, становясь слышимой на далекое расстояние: «Ветер

носит песню новую, *далеко она слышна...* / Над землею плодородною, что навеки нам дана» [Там же, с. 61]. Она проникает в разные страны света («Песни на Юг летят, / Песни мерзнут во льдах» [Наши песни... 1971, с. 34]), переносясь за пределы отечественного воздушного пространства: «Пусть ветры эту песенку / По свету разнесут» [Песни для детей... 1996, с. 66]; «В Праге, Будапеште, Польше / Нашей песни слышен зов» [Песни для детей 1953, с. 214]. «*Не ведая преград*» песня «летит над всей планетой» [Пахмутова 1963, с. 85]: «Песня дружбы, лети над планетой» [Сельские вечера 1979, с. 35]⁷; она достигает облаков: «И будет песня звенеть над тобой в облаках» [Песенник пионера 1984, с. 125] и даже космических пространств: «Эта песня дерзкая, / Песня пионерская, / Ей доступна дальняя звезда!» [Песенник пионера 1984, с. 22]. Таким образом, она охватывает своим звучанием весь земной шар, весь мир, всю вселенную. Наделенная свойством всепроницания, она способна преодолевать встречающиеся на ее пути преграды, которые не в состоянии ни заглушить ее, ни удержать: она звенит «Сквозь ветры, штормы, через все преграды» [Наша биография 1984, с. 35]; «ее не удержат посты и границы, / Ее не удержат ничьи рубежи» [Песни для детей... 1952, с. 148].

Помимо умения *летать*, песня наделяется также способностью перемещаться, передвигаться, иным способом — она может *шагать*: «Впереди шагает, / Устали не знает, / Шагает! шагает! / Она в пути всегда!» [Песенник пионера 1984, с. 22]. И *шагает* она [равно как и *летает*] «по всему свету»: «Песня шагает по свету» [Пахмутова 1963, с. 31]. Конечно, эта особенность песни проявляется, прежде всего, в тех текстах, которые создавались как походные; именно в походной пионерской песне ее образ становится попутчиком поющих: «Вместе с песней молодой походною / Было рядом нам легко шагать» [Песенник пионера 1984, с. 37]; «С хорошею песней веселой / Все вместе мы дружно идем» [Антология... 1959, вып. 2, с. 77].

Выполняет песня и важную общественную функцию; она «собирает друзей / В круг, в круг, в круг» [Песенник пионера 1984, с. 106]; она «смелых кликает в поход» [Наша биография 1984, с. 4]; она обладает некими цементирующими свойствами, *скрепляя* собою дружбу: «И дружба пионерская той песней скреплена» [Песни для детей 1953, с. 144]. Она не только бесцеремонно стучится в каждый дом («И вместе с песней к товарищу в дом, / Ветер странствий стучись!» [Наша биография 1984, с. 40]), но и входит в каждый дом: «Пионерским твердым шагом / Входит песня в каждый дом»

[Песни для детей... 1952, с. 204]. И наконец, она обладает силой воздействия на зарубежных товарищей: «Песни те, что мы поем, / Поднимает, словно знамя, / Молодежь за рубежом...» [Песни для детей 1953, с. 214].

Вся советская страна представлена в песне поющим миром («Сколько песен! Сколько смеха!» [Спортивные песни и марши... 1963, с. 163]); здесь поет все и вся, как в праздник («Встретит праздник песнями / Любимая страна» [Песни для детей... 1952, с. 233])⁸, так и в повседневной жизни: «На каждом перроне поют, / И в каждом вагоне поют, / Хорошие песни, / Веселые песни / Товарищи наши поют» [Песни для детей... 1952, с. 46]. С песней проходят школьные годы («Школьные годы чудесные / С дружбою, с книгою, с песнею» [Песни для детей... 1996, с. 198]; она сопровождает пионеров в походе («Мы в поход идем отрядом, / Хором песню мы поем» [Песни для детей... 1996, с. 96]; «И в любом походе, / При любой погоде, / Мы не унываем, весело поем!» [Сельские вечера 1979, с. 27])⁹; в пионерском лагере, где «Мы подружимся за лето, / Много песен будет спето» [Антология... 1959, вып. 1, с. 64]; она поется у костра («И конечно с тобою у костра запоем» [Песни для детей... 1996, с. 113])¹⁰; в колхозе («И несется песня по колхозным селам...» [Песни для детей 1953, с. 231]; «Нынче в колхозе звенят не смолкая / Песни о мудром вожде, / Песни о самом большом урожае, / Песни о мирном труде» [Песни для детей 1953, с. 211]. Песню поют, гуляя по лесам и лугам («Мы идем, / По лесам идем, <...> / Мы поем...»; «Мы поем / Мы в лугах поем...»), плывя по реке на лодке («По реке плывем <...> / Мы поем...»); над рекой («Над рекой поем» [Песни для детей 1953, с. 153]) и даже катаясь на лыжах: «Когда на лыжах мчишься с гор <...> / Ты песню запоешь» [Антология... 1959, с. 70].

4. Перехожу к описанию *взаимоотношений* песни и поющих. Это действительно — *взаимоотношения*: поющие приветствуют песню («Здравствуй, песня веселого детства!» [Песенник пионера 1984, с. 11]), стимулируют ее активность, побуждая ее к полету («Песня весна, лети, звучи» [Песенник пионера 1984, с. 7], звонкому, радостному и громкому звучанию («Звонче, песня наша!» [Сельские вечера 1979, с. 27]; «Лейся радостно, песня, / О нашей стране молодой» [Наша биография 1984, с. 61]; «Звени, наша песня, / От края до края, — / Песня советской земли!» [Антология... 1959, вып. 2, с. 158]; «Громче, песни / Шире плечи! / Дели, во дела. Хо, хо!» [Всегда готов! 1962, с. 15])¹¹. Поющие побуждают к пению

друг друга: «*Споемте, друзья... / Споем веселей...*» [Вечер на рейде 1973, с. 7]; «*Ну, споемте-ка, ребята-бьята-бьята*» [Песни для детей... 1996, с. 147]; «*Кто привык за победу бороться, / С нами вместе пускай запоет...*» [Песни для детей... 1996, с. 218]. Громкое, звонкое и веселое пение («*Споем, ребята, песню громче, звонче, / Споем, ребята, нашу песню веселей!*» [Антология... 1959, вып. 2, с. 7]) повышает степень воздействия песни на поющих и слышащих ее. То же самое можно сказать и о многочисленности, обилии спетых и поющих песен («*Много песен будет спето*» [Всегда готов! 1962, с. 43]; «*И много смеха, много новых песен...*» [Антология... 1959, вып. 2, с. 7]) и их «несмолкаемости», вечно-звучанию, постоянном наличии их в жизни («*Мчись над Родиной труда, / Наша песня молодая, / Не смолкая никогда*» [Песни ленинградских пионеров... 1945, с. 7]; «*По лесам, полям, лугам, / Не смолкая льется, льется / Наш напев, напев, напев*» [Антология... 1959, вып. 2, с. 54]; «*И песня, не смолкая, / Летит из края в край*» [Антология... 1959, с. 89]). Поющие любят свои песни как друзей и навсегда остаются им верны: «*Ведь песням дружбы, песням весны / Сердца у нас верны*» [С песней по жизни 1972, с. 22]; они стремятся беречь их, и других побуждают к тому же: «*Эту песню, мой друг, / Я клянусь беречь*» [Там же]; «*Береги эту песню, / Береги ее друг!*» [С песней по жизни 1972, с. 26].

Песня же, в свою очередь, вступая в отношения с поющими, выполняет самые различные функции. Прежде всего, тот, кто ее поет, испытывает полное удовлетворение, удовольствие, радость — ему *хорошо* («*Хорошо...* Помечтать задушевно с друзьями / Или песню любимую спеть» [Песенник пионера 1984, с. 87]); она помогает всем («*Песенка хорошая / Нам во всем помощница*» [Антология... 1959, вып. 2, с. 70]; «*Он пел; и веселая песня / Ему помогала в пути*» [Антология... 1959, вып. 1, с. 78]); она освещает собою жизнь и облегчает ее: «*Услышишь ты песенку чью-то, / И станет светлее кругом*» [Песенник октябренка 1984, с. 45]; «*Если песенка всюду поется, / Если песенка эта слышна, / Значит с песенкой легче живется, / Значит песенка эта нужна*» [Песни для детей... 1952, с. 226]¹². Без песни жизнь вообще представляется невозможной: «...песен не петь нам *нельзя*» [Наша биография 1984, с. 10]; «*Ведь сердцу без песни нельзя*» [Пахмутова 1963, с. 31]; «*И обойтись без песни нам нельзя*» [С песней по жизни 1972, с. 26]. Для советских детей песня становится одним из обязательных компонентов счастливой жизни: «*на нашей милой Родине, / Где с песнями проходим мы, / Не зная горя и невзгод, страны советской дети...*» [Песни для

детского хора... 1983, с. 22]; «*Мы страну гордимся любимой, / Мы счастливые песни поем, / Мы любимое Сталина имя / Носим бережно в сердце своем*» [Песни для детей 1953, с. 135]. И поэтому песней оказывается пронизанным все существование: его день начинается: «*Мы встречаем утро с песней веселой...*» [Песни для детей 1953, с. 231]; «*Песня звонкая звучит в нашем лагере с утра*» [Антология... 1959, вып. 1, с. 167]¹³. Она сопровождает человека на протяжении всей его жизни, сопутствует ему в течение всего дня: «*От рассвета до заката с ней служить и с ней дружить*» [Пахмутова 1963, с. 59]; она поется зимой и летом: «*Зиму песенкой встречай*» [Антология... 1959, вып. 2, 129]; «*Мы подружмся за лето, / Много песен будет спето*» [Антология... 1959, вып. 1, с. 64]. Отправляясь в дорогу, ее берут с собой как совершенно необходимый предмет: «*Мы возьмем, / Мы возьмем эту песню с собой*» [Наша биография 1984, с. 25] — утверждают ребята; с ней не расстанутся никогда: «*Эту песенку с собой / Я ношу повсюду*» [Песни для детей... 1996, с. 88]; «*Вместе с песней веселой / Мы за горы, мы за доли / Отправляемся в поход*» [Песенник пионера 1984, с. 90]; «*Дороги, дороги, дороги-пути! / По каждой хотелось бы с песней пройти*» [Антология... 1959, вып. 2, с. 133]. Для поющих она является не просто спутником, но лидером и ориентиром: «*Идем мы вслед за песенкой*» [Песни для детей... 1996, с. 66]; «*С ней мы прошли рубежи*» [Наши песни... 1971, с. 15]. Поход, осмысленный как «жизненный поход» («*Песня зовет нас в дорогу / Юности вечным огнем: / 'Смело, товарищи, в ногу? — / Мы к коммунизму идем!'*» [Вечер на рейде 1973, с. 40]), представляющий собою вечную, непрекращающуюся борьбу и победы, совершается вместе с песней: «*С песнями, борясь и побеждая, / Наш народ за Сталиным идет*» [Песни для детей... 1952, с. 141]¹⁴.

Квинтэссенция этого образа песни, ее роль в жизни, отношение к ней поющих представлены в уже упоминавшемся знаменитом тексте из кинофильма «Веселые ребята»: «*Легко на сердце от песни веселой, / Она скучать не дает никогда; / И любят песню деревни и села, / И любят песню большие города. / Нам песня строить и жить помогает, / Она нас в путь и зовет и ведет, / И тот, кто с песней по жизни шагает, / Тот никогда и нигде не пропадет*». Но вот песня относительно недавняя, продолжающая и развивающая образ своей знаменитой предшественницы и доводящая его до крайности. Она называется «*Песня остается с человеком*»: «*Только песня остается с человеком — / Песня верный друг твой навсегда*». И далее в припеве: «*Через годы, через расстояния, / На любой дороге, / В стороне*

любой / *Песне ты не скажешь “до свидания”, / Песня не прощается с тобой!*». Во втором куплете этот образ приобретает уже полную универсальность: песня становится здесь панацеей — средством от всех зол и бед, помогающим в решении всех проблем: она согревает в холод, она утоляет жажду в жару, без песни человек вообще не может быть сколько-нибудь счастливым: «*Наши песни носят сердце с колыбели, / С песней всюду вместе мы идем. / Сколько песен мы любимым нашим спели, / Сколько мы еще с тобой споем! / В лютый холод песня нас с тобой согреет, / В жаркий полдень будет как вода; / Тот, кто эти песни слушать не умеет, / Тот не будет счастлив никогда*» [Наши песни... 1971, с. 44]. Песня, таким образом, превращается в универсальное средство, избавляющее человека от всех невзгод, оказывающее помощь в любых жизненных ситуациях.

5. Наконец, перехожу к описанию *воздействия песни на слушающих* или слышащих ее. Во-первых, песня слышна *всем*: «Песенку звонкую / *Все слышат кругом*» [Песни для детей... 1952, с. 24]; «Запевай веселей / *Чтобы каждый слышал нас*» [Антология... 1959, вып. 2, с. 34]; «Дуй, ветерок, песню неси, / Пусть ее *слышат все* на Руси!» [Песенки пионера... 1962, 83]. Во-вторых, она благотворно действует на все окружающее и всех окружающих, в том числе и на природные явления: «И даже *солнце* ярче светит / Услышав песню давних дней» [Песенник пионера 1984, с. 46]. Звучащую и слышную везде песню подхватывают дети во всех краях нашей Родины: «Если песню мы затянем, / *Подпеваает все кругом*» [Всегда готов! 1962, с. 63]; «Ее споют ребята на *Игарке* / И на *Памире* им подтянет детвора» [Антология... 1959, вып. 2, с. 7]. И наконец, ее поет хором весь советский народ: «*Весь народ* поет свою любимую / Песню о родном Ильиче» [Песни для детей... 1952, с. 135]; «Пусть с нами *весь народ* / Шагает и поет, / Подхватывая радостный мотив!» [Спортивные песни и марши... 1963, с. 147]. Необъятное пространство страны Советов оказывается охваченным песнями, звучит песнями, которые слышны отовсюду: «Радостно песни *повсюду* звенят...» [Антология... 1959, вып. 2, с. 18]. «Сегодня песни слышатся *со всех, со всех сторон*» [Песни для детей 1953, с. 18]; «*Шестнадцати дружных / Союзных республик* / Могучая песня слышна» [Песни для детей... 1952, с. 22]; «*От края до края, по горным вершинам, / Где вольный орел совершает полет, / О Сталине мудром, родном и любимом / Прекрасную песню слагает народ*» [Песни для детей... 1952, с. 148].

В этот процесс пения постепенно вовлекается и заграничная детвора — «Дети Китая! Индии дети! / Дети всех наций живущих

на свете! <...> / Дети Вьетнама! Франции дети! <...> / Дети Нью-Йорка! Лондона дети!» [Песни для детей 1953, с. 221]. «Мы песню поем свободную / *Ребятам разных стран*» [Труби, горнист... 1970, с. 31], — заявляют советские пионеры и, обращаясь с призывом к детям других стран присоединиться к пению («*Пойте, вместе с нами*» [Песни для детей... 1996, с. 63]), они не сомневаются в том, что их «песню звонкий ветер / Пронесет сквозь ширь морей, / И со всех сторон на свете / *Все друзья ответят ей*» [Песенки пионера... 1962, с. 72]. И в этом они не ошибаются: песня действительно всех втягивает в сферу своего влияния. Попавшие в сферу этого влияния сами присоединяются к пению: «И поет ее *все больше* / *Юных смелых голосов...*» [Песни для детей 1953, с. 53]; «Поют эту песню *и рикша, и кули, / Поет эту песню китайский солдат*» [Песни для детей... 1952, с. 148]; и наконец — «Вторит песне той / *Весь шар земной*» [Песни для детей... 1952, с. 162].

Утопическая картина единодушного всемирного пения в наибольшей степени характеризует песни конца 1940-х — начала 1950-х гг. — самой яростной эпохи борьбы за мир: «Мы за мир! И песню эту / Пронесем, друзья, по свету. / Пусть она в сердцах людей звучит...». В текстах следующих десятилетий всеобщее пение представляется лишь как то, что должно обязательно свершиться в будущем, как неизбежно грядущее, но пока еще не наступившее всемирное торжество: «День придет — и нашу песню / *В целом мире запоют*» [Песни для детей 1953, с. 53]. «Запоют» — этот глагол дан в будущем времени, значит, песня пока еще не охватила весь земной шар, хотя поющие и не сомневаются в том, что такое время обязательно наступит, и призывают всех присоединиться к их пению: «Так давайте устроим большой хором, / Пусть все люди земли с нами встанут в него / <...> Пусть без слов станет песня понятной для всех» [Песни для детей... 1996, с. 60]. В одном из знаменитых текстов эта картина мировой гармонии представлена в условном наклонении: «Если бы парни всей земли / *Хором бы песню одну завели, / Вот было б здорово, вот это был бы гром! Давайте парни хором запоем*» [Тебе, олимпиец... 1972, с. 212]. Вторичной по отношению к ней стала песня «Если бы дети всей земли», написанная для детского хорового исполнения, в которой предсказывается совместное пение детей всех народов мира: «Крепко руки сжимая, / О счастье мечтаю, / Будут петь, словно птицы, / Шведы, русские, немцы, болгары, кубинцы!» [Песни для детского хора... 1983, с. 54]¹⁵.

Будучи существом бессмертным («Звонче победы *бессмертная песня*») [Наши песни... 1971, с. 15]; «Но песня о нем *не умрет*» [Взвейтесь кострами... 1982, с. 20]; «Наша песня боевая <...> *не умрет*» [Песни ленинградских пионеров... 1945, с. 28], непобедимым, неуязвимым и неуничтожимым никем (ее «*не задушишь! Не убьешь!*») [Песни для детей... 1952, с. 162]), на своих врагов (на «черные силы») песня действует совершенно устрашающе: «она звучит, *словно гром*», от нее «*трясутся решетки тюрем, / Огни озаряют ночь...*» [С песней по жизни 1972, с. 6], а «мир угнетателей», слыша ее, «*злобно дрожит*» [Песни для детей... 1952, с. 148].

Таким образом, материал советских песен дает возможность вообразить (если это вообще вообразимо) тот странный феномен, который называется в них «песней». Это — явление (или существо), представляющее собою продукт человеческого голоса (голосов), звонко звучащее, летящее, несущееся, реющее и льющееся (иногда — шагающее). По отношению к поющему оно выполняет функцию некоего психотропного средства, допинга, поднимая и улучшая его настроение, увеличивая его силу и потенции и одновременно с этим (или благодаря этому) помогает ему в преодолении всевозможных жизненных препятствий. Оно втягивает в сферу своего влияния все новых и новых исполнителей, так что, в конце концов, всему миру предстоит быть поглощенным процессом пения и втянутым в песню. В то же самое время для врагов оно оказывается вредоносным, опасным и губительным, само при этом оставаясь неуязвимым и неуничтожимым.

Я вполне осознаю, что песня песне рознь и что даже в пределах использованного здесь материала заметно, как в зависимости от темы, которой посвящена песня, адресата, к которому она обращена, обстоятельств, к которым она приурочена, и т. д., и создается в ней образ песни. Милая и безобидная песенка о веселом пионерском звене вовсе не обладает возможностями и мощностью, свойственными, допустим, «Кантате о Сталине» или же «Гимну демократической молодежи мира». Дальнейшая разработка данной темы несомненно требует более дифференцированного подхода к текстам. Не выяснен мною и вопрос о начале песенной рефлексии: когда песня стала петь о самой себе. Фольклорная традиция этого не знает. Совершенно очевидно, что поэтика советской пионерской песни не могла возникнуть на пустом месте, что выработка ею стереотипных средств выражения происходила на фоне и под влиянием литературных текстов, создававшихся в предшествующие эпохи¹⁶. Смена преж-

них эстетических ориентиров в трактовке образа песни отчетливо прослеживается в произведениях поэтов демократической ориентации, начиная со второй половины XIX в.: «Песни ноющей, песни уныло-больной / Надоели мне мрачные звуки...» [Музыка в зеркале поэзии 1986, с. 88]; «Прочь, унылые песни рабов, / Что отцы наши скорбные пели, — / Песни, сходные с воем метели / Да бряцаньем тяжелых оков!» [Там же, с. 100]. Однако должен был совершиться социальный и культурный переворот, чтобы на смену столь надоевшим «ноющим и унылым звукам» пришла «песня дерзкая, песня пионерская».

Примечания

¹ Здесь и далее отсылки к источникам цитат даются в тексте: первая цифра обозначает порядковый номер из списка использованной литературы, вторая — страницу.

² См. также: «Весенним прекрасным днем / *О счастье* давай споем» [Антология... 1959, вып. 2, с. 161]; «песня о том, *как мы живем*» (конечно же, счастливо [Песни для детей... 1952, с. 48]); песня «*о нашей жизни новой*» [Песни для детей... 1952, с. 379]; песня «*о новой жизни*» (конечно же, прекрасной [Песни для детей 1953, с. 163]); «песни *любви и изобилия*») [Песни для детей... 1952, с. 141].

³ Количество примеров бесчисленно: «*И звучит моя песня веселей*» [Песни для детей... 1996, с. 158]; «*Эта песня единства и братства / Пусть звучит сильнее с каждым днем*» [Песенник пионера 1984, с. 14]; «*И над водой, как песня, прозвучало: / 'Один за всех и все за одного!'*» [Песни для детей... 1996, с. 228]; «*Звучит эта песня в огне баррикад*» [Песни для детей... 1952, с. 148] и т. д. и т. п.

⁴ И многие другие примеры: «*И русская песня над Волгой звенит*» [Наша биография 1984, с. 32]; «*Ты, песня Ладоги, звени*» [Наша биография 1984, с. 35]; «*Звени, физкультурная песня*» [Спортивные песни и марши... 1963, с. 153].

⁵ Ср. другие вариации метафоры «песня — птица»: песня *взвивается* «легкой чайкой над водой» [Всегда готов! 1962, с. 11]; «*Кто верит крылатым, как песня, мечтам*» [Пахмутова 1963, с. 28].

⁶ См. также: «*Лейся, песня, на просторе*» [Вечер на рейде 1973, с. 13]; «*Лейся, песня, веселей / Над родимым краем*» [Сельские вечера 1979, с. 5].

⁷ Метафора «песня — птица» логически обосновывает способ распространения песни по свету с помощью птиц, которые «несут на крыльях» «*за туман границы / Песню, что сложила родина моя*» [Песни для детей 1953, с. 231].

⁸ Цитаты, изображающие всеобщее пение в дни советских государственных праздников многочисленны: Первого мая «*Поет многомиллионная / Красавица Москва*» [Антология... 1959, вып. 2, с. 89]; «*Сегодня <Седьмого ноября — Е. Д.> твой народ / Ликует и поет...*» [Песни для детского хора... 1983, с. 14]; «*Мы с песней этой выйдем на парад*» [Антология... 1959, вып. 2, с. 7]; «*Эй, шагай, вышагивай, / Песенку затягивай, / Звонкую, веселую, / Праздничную*» [Песни для детей 1953, с. 79]; «*Все поют, и я пою / Песню звонкую свою*» [Песни для детей 1953, с. 171].

⁹ См. также: «*И песни пионерские / Поет в пути отряд*» [Песни для детей... 1952, с. 46]; «*И над нами в пути, / Наша песня лети!*» [Антология... 1959, вып. 2, с. 113].

¹⁰ См. другие примеры: «*Привольно петь шумливую гурьбою / У Первомайского веселого костра*» [Антология... 1959, вып. 2, с. 7]; «*Игры, пляски, / Песни, сказки, / Шумный праздник у костра!*» [Песни для детей 1953, с. 265].

¹¹ Обращение к песне, понуждение ее к действию — устойчивый песенный прием, и встречается он многократно: «*Лейся, песня, на просторе*» [Вечер на рейде 1973, с. 13]; «*Отважная песня, / Смелей улетай!*» [Труби, горнист... 1970, с. 7]; «*Песня дружбы, лети над планетой!*» [Труби, горнист... 1970, с. 35]; «*Наша юная песня, лети!*» [Антология... 1959, вып. 2, с. 127]; «*Звени, физкультурная песня, / В городах и просторах нив!*» [Спортивные песни и марши... 1963, с. 153].

¹² См. также: «*Вместе с песней молодой, походною / Было рядом нам легко шагать*» [Песенник пионера 1984, с. 37]; «*Чтобы, чтобы не устать, / Чтобы не отстать, / Надо с этой песенкой шагать!*» [Наши песни... 1971, с. 34]; «*С веселой песней нашей / Шагаются легко*» [Антология... 1959, вып. 1, с. 78]; «*И песня тебе помогает, моряк, / Суровую службу нести*» [Вечер на рейде 1973, с. 43].

¹³ См. другие примеры «утренних песен»: «*Звонкой песней утро встретим...*» [Всегда готов! 1962, с. 12]; «*Славим песней утра ясного приход*» [Песни для детей 1953, с. 265]; «*Надо день зарядкой встречать, / Песней задорной встречать*» [Наши песни... 1971, с. 34].

¹⁴ «*Весь народ*» с песнями идет за Сталиным; пионеры с песнями идут за комсомолом, старшим поколением строителей коммунизма: «*Радостным шагом, / С песней веселой / Мы выступаем за комсомолом*» [Взвейтесь кострами... 1982, с. 12]; «*С пионерским звонким маршем / В нашем солнечном краю / Мы идем на помощь старшим / Строить Родину свою*» [Антология... 1959, вып. 2, с. 136].

¹⁵ Ср. более лирическое: «*А где-то в далекой стране / Такой же малышка живет, / И думает он обо мне / И так же, как я, он поет*» [Песенник пионера 1984, с. 109].

¹⁶ Многочисленные работы советского времени о пионерских песнях посвящены, главным образом, истории их создания (как правило, сильно мифологизированной) и тематике (см., например: [Гольденштейн 1963; Гольденштейн 1965; Гольденштейн 1971]). «*Взрослая*» советская песня изучена немногим лучше. Вдумчивая и основательная работа С. А. Семеново в этом отношении является редким исключением [см.: Семеново 1967]. Лишь в последние годы начинают появляться серьезные исследования, посвященные художественному миру советской массовой песни (см., например: [Минералов 1995; Гюнтер 1997]).

Источники

- Антология советской детской песни. Вып. 1–2. М., 1959.
 Вечер на рейде: песенник / Сост. А. Ашкенази. Л.; М., 1973.
 Взвейтесь кострами...: пионерские песни. М., 1982.
 Всегда готов! / сост. А. Апраксина, В. Попов. М., 1962. Вып. 1: Песни пионеров 20–30 годов.
 Музыка в зеркале поэзии / сост., вступ. ст. и коммент. Б. Каца. Л.: Сов. композитор. Ленинградское отделение, 1986. Вып. 2.
 Наша биография: песенник. Песни Великой Отечественной войны. М., 1984. Вып. 3.
 Наши песни повсюду слышны: песенник для детей / сост. О. Огановская. М., 1971.
 Пахмутова А. Песни тревожной молодости: сб. песен с сопровождением баяна. М., 1963.
 Песенки пионера третьей ступени / сост. В. Локтев. 2-е изд., испр., доп. М.: Госуд. муз. изд-во, 1962.
 Песенник октябренка: 1984 / сост. Л. Тихеева. М.: Музыка, 1984.
 Песенник пионера / сост. Г. Крылов. М.: Музыка, 1984.
 Песни для детей и их родителей. М.: Новая волна, 1996.

Песни для детей: сб. для начальной школы / под ред. В. Н. Шацкой. 2-е изд., перераб. М.: Учпедгиз; Музгиз, 1953.

Песни для детей: сб. для начальной школы. М.; Л.: Учпедгиз; Музгиз, 1952.

Песни для детского хора и хора мальчиков: к празднику песни Эстонской ССР 1985 года. Таллин: Eesti raamat, 1983.

Песни ленинградских пионеров. Л., 1945.

Пионерская правда. 1946. 31 декабря.

С песней по жизни: песенник / сост. Н. Грамотова. М., 1972.

Сельские вечера. Песенник / сост. А. Аверкин. М., 1979. Вып. 11.

Спортивные песни и марши. М., 1963.

«Тебе, олимпиец!»: справоч.-инф. материалы для олимпийцев сборной команды СССР. <М.>: Молодая гвардия, 1972.

Труби, горнист: песенник пионера / сост. И. Горинштейн. М., 1970.

Исследования

Гольденштейн М. Л. Большая жизнь песни: Десять бесед у пионерского костра. М.; Л.: Сов. композитор [Ленинградское отделение], 1965.

Гольденштейн М. Л. Живет с тобой песня. Л.; М.: Сов. композитор [Ленинградское отделение], 1971.

Гольденштейн М. Л. Очерки по истории пионерской песни. Л.: Сов. композитор [Ленинградское отделение], 1963.

Гюнтер Х. Поющая Родина: Советская массовая песня как выражение архетипа матери // Вopr. литературы. 1997. Июль–август. С. 47–61.

Минералов Ю. Так говорила держава: XX век и русская песня. М.: Изд-во Лит. ин-та, 1995.

Семеново Св. О построении современной лирической песни // Русская филология: Сборник студенческих научных работ. Вып. 2. Тарту: Изд-во Тартуского гос. ун-та, 1967. С. 21–82.